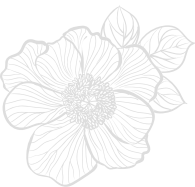

НОВОСТИ

Еда создает чувство тяжести в желудке. Она будто плавает в море из странных ощущений. Я думаю об Оскаре, и мои внутренности сжимаются. Как будто кто-то сдавливает их двумя руками как комок теста. Мои легкие протестуют, когда я вылезая в окно, голыми ногами чувствуя исходящее от крыши тепло, облакачиваюсь на стену дома и ставлю ноутбук на живот.

Позавчера я еще была собой. Фанатик контроля с дыркой в сердце. А сейчас я сталкер. Оскар и его профиль — мои жертвы. Это мое новое хобби, жаль, что не единственное. Тессе, которой я была позавчера, стало бы стыдно. Но той Тессы больше нет. Она оставила одну лишь табличку с надписью: «*Я НЕ ВЕРНУСЬ, НЕ ИЩИТЕ!*» Во мне проснулись незнакомые раньше чувства, они переполняют меня, и я в который раз прокручиваю ленту Оскара. *Bay!* Резко поднимаюсь. Три новых

фотографии! Я нажимаю на первую, и при виде его голубых глаз мое сердце замирает.

Он был на озере. С друзьями. С девочками, у которых нет срока годности. Он был на природе. А я? Уютно, по-домашнему обустроилась в его профиле в «Фейсбуке». Господи, я просто смешна. Я рассматриваю фотографию. Его смех на фотографии заразителен. Он выглядит непринужденно и свободно, смеется всем телом. Безоблачное небо на заднем плане бесконечно-голубое, но глаза Оскара еще более голубые. Он быстро загорает. Я рассматриваю его шею, кадык и широкие плечи. Всего один день на солнце, а его кожа уже выглядит как талая карамель. Ему идет такой цвет. Хотя, наверное, он понравился бы мне и усталым, и с черными кругами под глазами. Мне смешно над самой собой.

Только сейчас я заметила, что помимо Оскара на фотографии есть еще другие люди. Парень с короткими темными волосами, широкой ухмылкой и карими глазами. Они такие темные, что при ярком солнечном свете едва ли заметны зрачки. Его рука лежит у Оскара на шее. Они друзья. Может быть, даже лучшие. Я провожу курсором по фото, и всплывает отметка. Так, широкая ухмылка принадлежит Моритцу Риммеру. Но кто эти три девочки, стоящие рядом с ними, остается загадкой. Ни одна из них не отмечена. Все, что я знаю, — они блондинки. И размытые — это что касается разрешения. На самом деле, они определенно модели Victoria's Secret. Я ближе нагибаюсь к экрану, но

могу разглядеть только то, что они смеются. Ничего больше.

Прекрасно. С другой стороны, наверное, это даже лучше — не знать, как выглядят девчонки, с которыми Оскар проводит свободное время. Меня это, в конце концов, не касается. Он может делать все, что захочет. Мне все равно. Я делаю глубокий вдох и пытаюсь игнорировать нарисованные моей фантазией лица подруг Оскара, пока, скрипя зубами, перелистываю фотографию. Внезапно мне становится нечем дышать. Я с открытым ртом пялюсь на фото передо мной и вижу, как мои мечты рушатся словно карточный домик. Как кто-то может выглядеть настолько здорово? При виде его по телу проходит приятная дрожь. Оскар выходит из воды и прикрывает рукой лицо от слепящего солнца. Поверхность воды мерцает зеленым и бросает блики на его кожу. Пряди волос падают на лоб, капли воды блестят на его теле. Я сглатываю слюну. Пресс Оскара напряжен и четко прослеживается под кожей. Я пытаюсь прекратить смотреть, но не могу оторваться. Пару секунд просто сижу и рассматриваю его, а затем встряхиваю головой и заставляю себя перелистнуть фотографию.

А там *они*. Четкие лица, которые были размыты. В этот момент мне становится ясно, что моя фантазия абсолютно безнадежна. Три девчонки наигранно сложили губы уточкой и смотрят вызывающе-соблазнительно в камеру. «*Господи, как дешево*», — думаю я, оценивая их, и одновремен-

СЧАСТЬЕ РЯДОМ

но задаюсь вопросом, что, черт возьми, со мной не так. На меня это не похоже. Ни подобные мысли, ни ненависть. Я на мгновение закрываю глаза, делаю глубокий вдох и открываю их обратно. Ну, серьезно, кто ходит на пляж покрашенной? И что это, простите, за прически? Пф-ф. Могу себе представить, кому принадлежат эти губы уточкой. Только я, находясь в ярости, хотела захлопнуть ноутбук, как вдруг рядом во вкладке «Сообщения» всплывает одно новое. Я вздрагиваю. Это от него.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Я сегодня весь день был на озере и ждал от тебя сообщения. А ты? Чем занималась?

Пару секунд я пялюсь в монитор, но затем читаю текст, и с каждым словом уголки рта поднимаются все выше.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Ты тут?

ТЕССА ВАН КАМПЕН:

Да, тут. Я думала о тебе.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Я надеюсь. Другой ответ был бы неправдой.

Мое сердце колотится, но не болит. *Ничего* не болит. Ненависть испарилась. Я — это снова я. Только в виде куска ваты.

ТЕССА ВАН КАМПЕН:

Неправдой? Почему неправдой?

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Без шансов, Тесс, я отказываюсь озвучивать очевидное.

«Снова Тесс», — думаю я и вздыхаю.

ТЕССА ВАН КАМПЕН:

Будь уверен, это правда. Больше чем правда.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Приятно слышать. ☺

Я читаю надпись «*Оскар Зальцман набирает сообщение*» и замечаю сама, как начинаю от души улыбаться. *Что я вообще делаю?* Мой разум просыпается, но ватная оболочка изолирует меня от него и поглощает предупреждающие сигналы.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Я еще кое-что запланировал на сегодня. С тобой.

Простите? Что?! Я вскакиваю и ударяюсь локтем о подоконник.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Тесс?

СЧАСТЬЕ РЯДОМ

ТЕССА ВАН КАМПЕН:

Со мной?

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Да, с тобой.

Я не знаю, это сон становится реальностью или я сейчас упаду в обморок.

ТЕССА ВАН КАМПЕН:

Хорошо, и что же это?

Любозытие заставляет меня нажать на Enter и наполняет каждую мышцу в моем теле мучительным ожиданием.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Увидишь. Я буду у тебя через полчаса.

Знаю, нужно написать ему, что так не пойдет, но я не могу. Я не смогу справиться с ложью, потому что очень хочу его увидеть. Хочу, чтобы он был настолько близко, что я смогла бы вдохнуть его запах: эта незабываемая комбинация из его тепла и свежести постельного белья, которое сушится на утреннем воздухе. Я просто хочу увидеть его и утонуть в глубине его глаз.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

Поверь, тебе понравится.

Я и не сомневаюсь.

ОСКАР ЗАЛЬЦМАН:

До скорого.

Я вся в поту стою у шкафа. И удивительным образом это не связано с «Арсенолом». Летнее платье и джинсовая рубашка брошены на пол. Я в растерянности смотрю на свои шмотки. Но ведь не может быть, чтобы мне нечего было надеть? Вытаскиваю несколько платьев, бросаю их на кровать, меряю одно за другим, но останавливаюсь в итоге на голубых джинсах. И что я, простите, должна надеть наверх? У меня, на самом деле, много блузок, рубашек и футболок, но ни одна из них мне не нравится. Дело в том, что вся моя коллекция футболок кричит либо «*Я скучная*», либо «*Я маленький ребенок*».

Я иду в коридор, мимо ванной и захожу в комнату Лариссы. Если не найду ничего у нее, то просто забаррикадируюсь в своей комнате и больше никогда из нее не выйду. Я хочу постучать, но дверь открыта настежь. Лариссы нет. В комнате темно, шторы задернуты. Быстренько осматриваюсь и в сумеречном свете замечаю, что она сделала перестановку. Кровать теперь стоит у окна, постер висит над письменным столом, и появился пустой комод, который я еще не видела. Я не была в ее комнате целую вечность, к тому же мы с Лариссой избегаем друг друга уже несколько лет. Не знаю точно,

когда это началось, но, когда общаемся, мы будто говорим на разных языках. А в конце всегда ссоримся.

Прохожу и осторожно открываю дверцу шкафа. Дерево предательски скрипит, и я оглядываюсь убедиться, не вошел ли кто в комнату. Боже, я такая трусиха. Качая головой, вытаскиваю пару футболок, но у них слишком большой вырез. Это было ожидаемо. Во-первых, у Лариссы нет шрама, а во-вторых, есть грудь. У меня нет ничего, что можно было бы подчеркнуть. Вздох разочарования прерывает тишину. Я отодвигаю пару кофт и нахожу темно-синюю блузку с кружевной отделкой. Она закрытая, узкого кроя и достаточно скучная. Так, во всяком случае, считает Ларисса. Возможно, поэтому я ни разу не видела ее на ней.

Была не была, тем более кружево — это то, чего нет на моих футболках. Я закрываю шкаф и смываюсь из комнаты. И только сейчас замечаю две ярко-красные вишенки на правой груди. Пофиг. Она лучше, чем мои шмотки.

Я иду со стучащим сердцем в ванную, пытаюсь игнорировать, что все вокруг движется слишком медленно. Беспокойство заставляет мое сердце неровно биться, кончики пальцев покалывает, словно они вот-вот онемеют. Я останавливаюсь, делаю глубокий вдох и медленно выдыхаю, а затем иду дальше. Все кружится, я толком ничего не вижу, и свет от лампы в коридоре размазывается по стене с каждым шагом все больше.

У меня часто кружится голова, но нарушения зрения, слава Богу, нечастые. Обычно я боюсь их. Но не сегодня. Сегодня мой мозг слишком занят картинками и надеждами, которых у меня не должно быть. Я еще раз расчесываю волосы, подкрашиваю глаза тушью и наношу блеск на губы. Трясущимися руками беру духи, брызгаю ими на волосы и на футболку Лариссы. Еще пару минут, и я увижу Оскара. Он будет со мной каждое мгновение. Последний раз посмотрю в зеркало. Несмотря на панику, я хорошо выгляжу. Окей. Я готова.

Звонок в дверь. Я слышала его столько раз, но никогда он на меня так не действовал. Бросаю телефон в сумку и сломя голову выбегаю из комнаты. Звонят второй раз, и я слышу шаги мамы. *О нет!* Я ничего ей не сказала, возилась с футболками и совсем забыла. Она приближается к входной двери, и я слышу, как она что-то бормочет, а затем слышится голос сестры. Пожалуйста, нет. Хоть бы они не встали там вдвоем. Я накидываю полосатую ветровку и максимально быстро сбегаю по лестнице, но все равно не успеваю. Дверь открывается.

— Оскар! — удивленно говорит моя мать. — Вот это сюрприз. — Я слышу ее смех. — Хочешь зайти?

— Нет, спасибо, я зашел за Тессой.

Услышав его голос, я чувствую, как по позвоночнику пробежали мурашки.

— За Тессой? — спрашивает Ларисса необычно резко.

— Да, за Тессой, — спокойно отвечает он. Я поворачиваю за угол и, когда наши взгляды встречаются, чувствую, словно меня ударили в живот. — А вот и она.

Я смотрю на него. Хочу отвести взгляд, но не могу. На нем темно-синие джинсы, скромная белая футболка без принтов и лукавая улыбка. Которую я чувствую всем телом. Его волосы до сих пор влажные. Может быть, после озера. Или он их только что помыл, и времени, занявшего путь до моего дома, не хватило, чтобы они высохли. Я стою перед ним, а Оскар улыбается и смотрит так пристально в мои глаза, что кажется, смотрит мне прямо в душу. Я хочу что-нибудь сказать, но слишком занята разглядыванием. Как будто хочу запомнить каждую маленькую деталь на его лице. Будто я смогла бы навсегда сохранить этот момент.

— Ты... ты идешь гулять? — спрашивает меня мама. Мне даже не надо смотреть на нее, чтобы понять, насколько она в замешательстве.

— Да, — отвечаю я и напряженно сглатываю слюну. Я стараюсь спокойно дышать, но быстрые, неровные выбросы воздуха, которые издают мои легкие, выдают меня. Это знак для Лариссы. Она нервно качает головой и исчезает в гостиной.

— И куда вы пойдете? — спрашивает мать, и я распознаю в ее голосе наряду с любопытством еще и радость.

— Этого я пока не могу вам сказать... — загадочно отвечает Оскар. — Это сюрприз. — Он смо-

АННЭ ФРЕЙТАГ

трет на мою мать. — Но вы знаете это место, мы говорили о нем вчера вечером за ужином.

— За ужином? — спрашиваю я. — Когда?

— Пока ты переодевалась...

Большое спасибо. Я вспоминаю, как подавилась этим дурацким хлебом.

— А-а! — восторженно вскрикивает мама, и я вздрагиваю. — Нет, правда?

— Именно, — отвечает Оскар с кривой улыбкой на лице.

— Ну, тогда вам действительно уже пора идти.

Я смотрю то на маму, то на Оскара. Оба они ухмыляются как сообщники.

— По окончании я привезу Тессу обратно домой, — успокаивает маму Оскар, и в этот момент на ее лице, кажется, наконец появляется облегчение. Оскар делает шаг в сторону и показывает мне на выход. — Пойдем, Тесс, давай сбежим.

